

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-139

М.Е. Алексеева

О ПРОБЛЕМЕ ДЕТЕРМИНАТИВОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Вопрос о категории «определенность / неопределенность» неизбежно возникает в любом исследовании, посвященном именной группе и различным ее свойствам и составляющим. Однако единого мнения о содержании понятия «определенный» и, соответственно, «неопределенный» на данный момент в лингвистической литературе не выработано.

Во многих языках в состав именной группы входит элемент, единственной или основной функцией которого является маркирование определенности / неопределенности данной именной группы. Этот элемент может быть лексической единицей, как определенный и неопределенный артикли в английском языке (*a, the*), или своего рода аффиксом, как префикс *'al-* в арабском языке, традиционно называемый определенным артиклем. Очевидно, что артикль присутствует не во всех именных группах. Тем не менее статус «определенность / неопределенность» может быть также присвоен и именованным группам, в составе которых нет ни определенного, ни неопределенного артикля. Например, в английском языке выражение *this house* рассматривается исследователями и грамматиками как определенное, а *several houses* — неопределенное. В контексте традиционной лингвистики *this* — это указательное местоимение, но в последние десятилетия все чаще в научной литературе, посвященной проблемам именной детерминации, встречается термин «детерминатив».

Единого определения понятия «детерминатив» в лингвистике на данный момент не существует. Причем различные взгляды на категорию детерминативов встречаются не только у последователей разных теоретических направлений, но зачастую и в рамках каждой конкретной лингвистической теории нет единой точки зрения на этот предмет. Неоднозначно обстоит дело и с собственно терминологией. В российской лингвистике, по-видимому, сформировались два термина, употребляющихся для обозначения одного понятия: «детерминатив» [18; 19; 21 и др.] и «детерминатор» [20]. Эта двойственность, очевидно, проявляется благодаря изначальной наличию двух англоязычных терми-

нов «determiner» и «determinative» (*сущ.*). Большинство англоязычных исследователей оперируют термином «determiner», гораздо реже и, как правило, в несколько другом значении встречается «determinative». Однако в некоторых случаях один термин заменяется на другой, что неизбежно приводит к искаженному восприятию идей автора¹. Мы будем придерживаться более традиционного термина — «детерминатив».

В целом, лингвисты под детерминативами понимают служебные слова, сопровождающие существительное и различными способами определяющие и уточняющие круг его референции. Например, российский исследователь В.Г. Гак уточняет, что детерминативы выражают «общие признаки объекта: определенность, принадлежность, количество и т. п.» [19. С. 88]. Однако мнения ученых серьезно расходятся, когда речь заходит о наполнении этой категории конкретными языковыми единицами.

Различные авторы включают или, напротив, исключают из списков детерминативов артикли, различные разряды местоимений, существительные в притяжательном падеже, количественные и порядковые числительные. При этом многие обзоры, посвященные этой категории слов, подразумевают под детерминативами все вышеперечисленное. Например, авторитетная грамматика английского языка, изданная в 1985 г. в Лондоне, предлагает объединить понятием «детерминатив» шесть классов языковых единиц: артикли (определенные, неопределенные), указательные и притяжательные местоимения, квантификаторы, количественные и порядковые числительные [15].

В грамматике французского языка В.Г.Гака, изданной примерно в то же время, детерминативы включают только пять семантико-грамматических разрядов: артикли, притяжательные, указательные, вопросительные и неопределенные детерминативы. О составе последней группы среди лингвистов нет единого мнения [19. С. 88]. Таким образом, артикль первым пунктом входит в обе классификации, поскольку передает значение определенности / неопределенности в «чистом» виде. Однако этот же критерий служит для ряда лингвистов решающей причиной исключить его из класса детерминативов². Отечественный лингвист О.И. Москальская, например, настаивает на том, что все детерминативы «обладают ярко выраженным лексическим значением посессивности, указательности, неопределенного или тотального множества и потому употребляются весьма избирательно как любой элемент словарного состава, а собственно артикли сопровождают имя существительное регулярно» [21. С. 10].

Некоторые другие лингвисты, например Л.С. Бархударов, рассматривают наличие или отсутствие артикля как критерий для выделения собственно детерминатива, поясняя, что при существительном не могут одновременно находиться артикль и детерминатив [18. С. 57]. Российская исследовательница О.В. Яковенко называет такое логически противоречивое суждение «нелогичным» [21. С. 10]. Некоторые западные авторы также проводят различие между детерминативами (такими, как *that, both, which, such, my, no*) и артиклями [см.: 4; 9; 11; 16].

Исследователи, занимающиеся изучением семитских языков, например иврита, также вынуждены решать проблему артикля. Данный язык, в соответствии с типологией Ж. Крамски, относится к разряду языков, где определенный артикль представлен энклитикой (наряду с арамейским и урартским языками, языками хауса, сомали и др.) [8]. Причем в большей части исследований, посвященных артиклю в иврите, в той или иной степени признается общее соответствие его семантических и синтаксических особенностей особенностям определенного артикля *the* английского языка. В частности, образование определенного состояния имен считается синтаксическим процессом [17. Р. 320].

На протяжении последних десятилетий точка зрения на природу артикля в иврите не раз менялась, соответствуя в основном общемировым тенденциям. В работе израильского лингвиста У. Орнана 1965 г. артикль воспринимается как полноправное слово [12]. Э. Риттер рассматривает артикль как энклитику, и хотя с 1988 г. по 1994 г. общее восприятие определенности в ее исследованиях меняется, статус определенного артикля в целом остается прежним [17. Р. 320]. Т. Силони в исследовании 1991 г. предлагает воспринимать артикль неразрывно с определяемым им словом после его передвижения [17. Р. 320]. При этом некоторые лингвисты рассматривают артикль как чрезвычайно важную единицу синтаксического процесса, в то время как Ш. Винтнер предлагает воспринимать определенный артикль в качестве аффикса, примерно так же, как его видит Х. Борер в своей работе 1994 г. [17. Р. 320].

Противоречивые мнения вызывает также утверждение отечественного лингвиста Л.С. Бархударова о том, что так называемые пре- и постдетерминативы (*pre- and post-determiners*), местоимения, стоящие в позиции перед и после вершины именной группы, соответственно не относятся к детерминативам. Западные лингвисты, следуя классификации грамматики Р. Квирка и др., разделяют категорию детерминативов на три позиционных класса: упоминавшиеся выше пре- и постдетерминативы и центральные детерминативы (*central determiners*), или собственно детерминативы [10; 14; 15; 17 и др.]. К преддетерминативам традиционно относят квантификаторы *all* и *both*, в том случае если они употребляются в препозиции к вершине именной группы. Впрочем, эти слова могут употребляться как в позиции, типичной для преддетерминативов (*all the girls*), так и в позиции, которую обычно занимают собственно детерминативы, например указательные местоимения (*all girls*).

Отечественный исследователь А.И. Смирницкий рассматривает артикли как адъективные местоимения, но с неполным, ослабленным значением. По функции, в отличие от семантики, они тождественны [21. С. 11]. Они тождественны по функции — выступают в качестве регулировщиков, ориентиров ситуации, и такая тождественность, вполне вероятно, распространяется и на другие группы детерминативов. Как справедливо отмечает А.И. Смирницкий, по самому характеру своей семантики местоимения оказываются как бы лишенными постоянного и закрепленного за ними значения в том смысле, что местоимения не выступают как постоянное обозначение того или иного определенного предмета или признака. Это обстоятельство роднит и местоимения, и артикли, и вообще все группы детерминативов. Например, слово *house* постоянно обозначает определенный объект, и если мы произносим слово *house*, то ситуация относительно сути предмета не меняется: дом остается домом. Произнося детерминатив *tu* или *any*, мы озвучиваем не стационарную ситуацию обозначения объекта, а мобильную ситуацию отношений. Как полагает О.В. Яковенко, детерминатив по своей функции — это регулировщик, оператор ситуации [21. С. 10]. И класс детерминативов вполне логично наполнить теми элементами, которые эту функцию выполняют. Поэтому вполне оправданной можно назвать позицию ученых, которые считают, что определители существительных образуют функциональную систему, состоящую из морфологически разных элементов, входящих в именную группу; к этим элементам причисляют и артикли, и различные разряды местоимений, и существительные в притяжательном падеже, и числительные (см. исследования Л.И. Или, Т.С. Харитоновой и др.).

Интересная попытка совместить в некоторой степени функциональный и формальный подходы в лингвистике предпринимается в статье европейского лингвиста П. Хар-

дера под названием «Детерминативы и определенность: функциональная семантика и структурная дифференциация» [5]. П. Хардер справедливо отмечает, что как функциональный, так и формальный подходы часто высказывают предположение, что структурные и семантические категории в большой степени совпадают. Автор ставит своей целью показать, что категория детерминативов состоит из разнородных элементов, функцию которых следует понимать как результат наличия структурной модели, основывающейся на принципах функциональности, которая «открывает» определенную позицию в сложной именной группе для самого базового выбора между определенной и неопределенной референцией. Поскольку Хардер признает себя последователем традиции функционализма, некоторые идеи формального подхода чрезмерно упрощены, но даже такая попытка соотнести достижения двух различных теоретических направлений лингвистики, безусловно, заслуживает внимания.

Одной из самых широко обсуждаемых в литературе тем, связанных с детерминативами, является вопрос о правомерности выделения их в отдельную часть речи. Исторически сложившаяся грамматическая традиция, восходящая еще к греческим грамматистам, считавшим артикль одной из восьми классических частей речи [см., напр.: 2. Р. 18], действительно, могла бы стать основанием для такого вывода, но гораздо большую роль в формировании взглядов современных лингвистов сыграла генеративная грамматика Н. Хомского. X'-теория предполагает наличие зависимого, являющегося непосредственной составляющей максимальной проекции вершины, спецификатора, которым для именной группы является детерминатив (Det или D). Данная позиция как раз и определяет ту категорию слов, которые в современной лингвистике принято объединять термином «детерминатив». Изначально англоязычное и посвященное в основном английскому языку исследование Н. Хомского заложило основы для широкомасштабного исследования синтаксических конструкций в рамках генеративной грамматики, впоследствии распространив свое влияние на многие языки мира.

Из отечественных лингвистов, придерживающихся позиции выделения детерминативов в отдельную часть речи, упомянем В.Г. Гака, предлагающего провести данное разделение на основании семантических, морфологических и синтаксических признаков. Таким образом, он выделяет три функции детерминативов как части речи. Первая, синтаксическая, заключается в оформлении именной группы в предложении. Детерминативы «выступают в данном случае как актуализаторы существительного, выполнение основных синтаксических функций которого без детерминативов невозможно» [19. С. 88]. Вторая, морфологическая уточняет категории существительного (рода и числа) в том случае, когда это не выражено другими способами (например, флексиями в языках флективного типа). Семантическая функция детерминативов состоит, по мнению В.Г. Гака, в выражении грамматической категории определенности / неопределенности [19. С. 89].

Такой подход не встречает на данный момент широкой поддержки исследователей, хотя в рамках генеративной грамматики и некоторых других синтаксических теорий убеждение, что детерминативы, если не являются отдельной частью речи, то, несомненно, представляют собой отдельный класс слов, довольно распространено.

Во многих работах, написанных в рамках генеративной грамматики после 1987 г., вслед за С. Эбни детерминатив рассматривается как вершина «группы детерминатива» (Determiner Phrase / DP), в которую именная группа входит в качестве комплемента [1]. В соответствии с этой теорией (иногда называемой «теорией группы детерминатива» —

DP Hypothesis) и позднейшими версиями генеративной грамматики, детерминатив — функциональная вершина, противопоставленная в структурном смысле лексическим вершинам (N, V, A, P). Поводом для создания теории группы детерминатива, поддержанной впоследствии многими исследователями (R. Jackendoff, R. Hogg, M. Brame, A. Szabolcsi, R. Hudson, N. Fukui, L. Hellan, S. Olsen и др.), стало концептуальное сходство со структурой клаузы, которая в работе Н. Хомского 1989 г. включала группу комплементарайзера (CP), финитную (IP) и глагольную (VP) группы. Суть сходства состояла в том, что такие функциональные категории, как комплементарайзер (Complementaizer) и вершина, носитель финитных глагольных категорий (Inflection), походят на схему X'-теории и возглавляют XP с компонентами и спецификаторами, и соответственно, то же самое можно предположить по отношению к функциональной категории детерминатива.

Интересная, хотя и не совсем логически приемлемая, интерпретация аббревиатуры DP содержится в монографии К. Лайонса. Он трактует D как «Definiteness», доказывая, что DP следует воспринимать не как «Determiner Phrase» — «группу детерминатива», а как «Definiteness Phrase» — «определенную группу» [10. С. 298]. Слабость этой позиции, очевидно, в том, что автор различает класс детерминативов и выражение определенности, но ассоциирует второе со структурным понятием DP.

В последнее время, однако, лингвисты все чаще сталкиваются с неадекватностью предложенной теории группы детерминатива как таковой. Б. Брюнинг в статье с говорящим названием «Некоторая асимметрия между CP и DP указывает на неправильность DP гипотезы», изданной в 2009 г., приводит аргументы против теории группы детерминатива. Схожие идеи уже неоднократно выдвигались другими западными исследователями. Р. Хадсон ставит под сомнение не только существование группы детерминатива, но и самих функциональных категорий, хотя и допускает существование отдельных единиц, которые могут рассматриваться как «функциональные» единицы [6]. Бельгийский ученый Ф. ван Эйнде не стал заходить столь далеко. В 2004 г. он написал, а в 2006 г. опубликовал статью, в которой отметил, что хотя теория группы детерминатива и облегчает поиск ограничений (restrictions) для разных типов синтаксических категорий благодаря унифицированному подходу, эмпирические несоответствия выдают ее несостоятельность. В статье он предлагает вернуться к именованным группам с именами в качестве вершин, и рассматривать детерминативы как члены независимых лексических категорий, в частности прилагательных и местоимений [14].

Однако уверенный тон последней статьи ван Эйнде воспринимается несколько иначе, если мы обратим внимание на качественные изменения взглядов самого автора в течение последних лет. В работе 1994 г. он рассматривает определенный артикль как одну из единиц части речи детерминатив, среди единиц которой преобладают указательные местоимения, а неопределенный артикль, как единицу части речи квантификатора [2]. В 1998 г. ван Эйнде классифицирует детерминативы как прилагательные, а в 2003 г. относит часть из них к прилагательным, а часть — к существительным или местоимениям [13].

Несомненно, такое разнообразие точек зрения объясняется двойственной природой детерминативов, которые семантически сходны с местоимениями, а функционально они как определители существительного сближаются с прилагательными, что отмечал еще в 1966 г. В.Г. Гак, [19. С. 89].

Одна из проблем, изучением которой сравнительно недавно занялись исследовате-

ли (особенно изучающие данные, например, семитских языков), — проблема так называемой конструкции сопряженного состояния, анализируемого в работах Э. Риттер, А. Фасси-Фехри, Т. Силони, И. Хазота, Х. Борера и др. Исследования ведутся преимущественно в рамках генеративной грамматики, и поэтому основой этих работ является идея о возникновении сопряженного состояния в результате передвижения вершины (имя в позицию детерминатива, N to D). Израильский лингвист Г. Данон предполагает наличие четкой связи между дистрибуцией детерминативов и структурой именного сопряженного состояния [3].

В отечественной лингвистике не так много работ, посвященных детерминативам как отдельному классу. Одной из первых работ на эту тему, в которой сделана попытка систематизировать данные об этой категории, была диссертация Ю.А. Левицкого «Некоторые вопросы теории актуализации» (1970). В 1972 г. в диссертации Т.С. Харитоновой проводится исследование детерминативов в синтагматическом аспекте. Под синтагматическим аспектом в работе понимается «область линейных отношений изучаемых элементов, их одновременная соотнесенность, расположение и связи с другими элементами в именной группе существительного» [цит. по: 21. С. 12]. В работе преобладает описательный метод, дающий представление о синтаксических особенностях комбинаторики детерминативов.

Одним из исследований, не затрагивающих область синтаксиса, а опирающихся на достижения когнитивной лингвистики и когнитивно-операциональный метод описания механизма функционирования детерминативов в тексте, стала диссертация российского лингвиста С.И. Потапенко «Риторический аспект функционирования детерминативов английского языка» (1991). Несмотря на ограниченность исследуемого материала (артикли, указательные и притяжательные детерминативы), работа интересна методикой исследования детерминативов в речи, предназначенной для различных типов аудитории [цит. по: 21. С. 12]. Выводы, сделанные автором, представляются интересными, даже если учитывать необходимость дальнейшего уточнения данных с использованием большего объема материалов.

В заключение данной статьи отметим, что этот краткий обзор российских и западных исследований, посвященных проблеме детерминативов в рамках изучения синтаксиса, не претендует на всеобъемлемость, а всего лишь стремится показать многогранность и противоречивость современных взглядов на категорию детерминативов, чья двойственная природа заставляет ученых искать принципиально новые междисциплинарные подходы к проблеме и открывать все новые и новые грани научного знания.

Примечания

¹ Дискуссию об употреблении этих терминов см., в [6; 13].

² Аргументацию данной точки зрения см., например, в исследованиях Б. А. Ильина и М. Я. Блоха.

Литература

1. *Abney S.* The Noun Phrase in Its Sentential Aspect. MIT Ph. D. diss. Cambridge, 1987. URL: <http://eprints.kfupm.edu.sa/69794/1/69794.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
2. *Allegrezza V.* The Signs of Determination. Constraint-Based Modelling Across Languages. Frankfurt am Main, 2007. P. 7–66.

3. *Danon G.* The Syntax of Determiners in Hebrew. MA thesis, Tel-Aviv University. 1996. P. 73. URL: <http://faculty.biu.ac.il/~danong1/papers/thesis.html> (дата обращения: 05.10.2009).
4. *Guisti G.* The categorical status of determiners // *The new comparative grammar*. London: Longman, 1997. P. 95–123.
5. *Harder P.* Determiners and Definiteness: Functional semantics and structural differentiation // *Essays in nominal determination: from morphology to discourse management* / Ed. by H.H. Muller, A. Klinge. Amsterdam, 2008. P. 1–27.
6. *Hudson R.* Syntax without functional categories // *UCL Working Papers in Linguistics*. 1997. Vol. 9. P. 29. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/PUB/WPL/97papers/hudson.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
7. *Huddleston R., Pullum G.* The Cambridge grammar of the English Language. Cambridge, 2002.
8. *Kramski J.* The article and the concept of definiteness in a language. The Hague, 1972. P. 158–159.
9. *Leu T.* The Internal Syntax of Determiners. New York University Ph. D. diss. September 2008. URL: <http://gagl.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/2008-47/2008-47-01/2008-47-01.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
10. *Lyons C.* Definiteness. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 380.
11. *Ornan U.* The Nominal Phrase in Modern Hebrew. P. 1. Introduction and article. Jerusalem, 1965. P. 42. URL: http://www.eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/33/c8/50.pdf (дата обращения: 05.10.2009).
12. *Van Eynde F.* On the notion ‘determiner’ // *The Proceedings of the 10th International Conference on Head-driven Phrase Structure Grammar* / Ed. by S. Muller. Stanford: CSLI Publications, 2003. P. 6. URL: <http://www.ccl.kuleuven.be/~frank/Papers/determiner.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
13. *Van Eynde F.* NP-internal agreement and the structure of the noun phrase // *J. of Linguistics*. 2006. Vol. 42. P. 139–186.
14. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A comprehensive grammar of the English language. London, 1985.
15. *Szabolcsi A.* *The Noun Phrase*. Los Angeles, California: UCLA, 1992. URL: <http://homepages.nyu.edu/~as109/NP.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
16. *Wintner S.* Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // *J. of Linguistics*. 2000. Vol. 36. P. 319–363. URL: <http://cs.haifa.ac.il/~shuly/publications/jl.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
17. *Бархударов Л.С.* Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966. С. 44–64.
18. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Ч. I. 2-е изд. М., 1986. С. 87–89.
19. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001. 796 с.
20. *Яковенко О.В.* Когнитивно-семантические свойства детерминативов в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2005. 201 с.